

ПОМНИМ

ОЛЬГА СОКОЛОВА (ВИШНЯКОВА)

ГЕОЛОГИЯ ЕГО ВСЕГДА УВЛЕКАЛА

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ПРОФЕССОРА ВИШНЯКОВА

*Далеко ли – горсточка огней –
Дом. Очаг. Тепло добра и света.
Горсточка огней, моя планета.
Притяженья памяти сильней,
Чем земное – где-то в сердце, где-то...*

Мне повезло. Отец был человеком неординарным, крупным ученым, открывшим несколько месторождений, блестящим лектором, преподавателем, воспитавшим достойных учеников. Нет смысла подробно рассказывать о его геологических открытиях – я не специалист. О его деятельности как ученого написано его коллегами и учениками.

Мне же хотелось раскрыть его человеческие качества, отношения с близкими людьми, с семьей; вспомнить эпизоды из нашей совместной – увы, такой короткой – жизни, передать мамини воспоминания и поместить выдержки из писем, которые отец писал ей.

Вишняков Савва Гаврилович родился в большой крестьянской семье в селе Студенцы (потом его переименовали в Мало-Перекопное) Саратовской губернии. Село было русско-мордовским. Его родитель, Гаврила Архипович, считался крепким крестьянином, и хозяйство у них было справное. Дед не очень-то обращал внимания на праздники (даже такие, как Пасха). Если земля была готова к севу, он сеял, чтобы не успели высушить почву суховеи, часто дувшие из приволжских степей. Священник был за это в обиде на деда. Когда появился мой отец, Гаврила Архипович хотел назвать его Николаем в честь св. Николы, так почитаемого русскими крестьянами. Младенец-то родился на Савву, но следующий день был днем св. Николая. Можно было бы назвать и Николаем, но священник, памятуя о «плохом поведении» деда, не разрешил. Таким образом, папа стал

Саввой. Моя двоюродная тетка рассказывала, что моим прадедом был цыган Архип, оставшийся в тех краях из-за красивой местной девушки.

Савва был первенцем, старшим сыном и до Первой мировой войны крестьянствовал. Рано потерял мать, очень мало помнил о ней. Гаврила Архипович женился вторично, в доме хозяйничала мачеха, которая неплохо относилась к детям своего мужа. Потом появились еще ребятишки, дел было невпроворот. Позже мачехе стала помогать старшая девочка в семье – Нюра, которая и вынянчила младших ребятишек. Детство отца было привольным: ребятишками бегали на бахчу, раскалывали арбузы, наедались так, что животы трещали. Купались в реке подолгу. В ту пору было еще много нераспаханных участков степи, которая весной зарастала маленькими ярко-желтыми и пестрыми тюльпанами, а к августу до горизонта здесь волновался серебристый ковыль. Четырехклассную церковно-приходскую школу Савва окончил без особых трудностей. Потом вспоминал поговорку школяров того времени: «Ять да ижица – розга к попе близится». Как известно, до 1918 года алфавит наш включал, в том числе, и эти буквы, доставлявшие школьникам много неприятностей.

На Первую мировую войну отец ушел рекрутом в 1915 году. Когда та война перешла в Гражданскую – попал в Чапаевскую дивизию. Чапаева он видел только раз, когда тот выступал перед бойцами. По маминим словам, папа отмечал, что комдив ездил вовсе не на тачанке, а на открытом автомобиле. Речь его – для наглядности – была пересыпана

крепкими словечками. В бою Чапаева наблюдать не довелось. На Гражданской отца контузило. Затем он переболел тяжелой формой брюшного тифа, но, слава Богу, выжил. Служил санитаром. Кстати, после тифа у него стали виться волосы.

Образование отец получал могоступенчато. После войн решил продолжить обучение и, поступив в школу взрослых, окончил ее экстерном. Затем, преодолевая сопротивление отца (все-таки старший сын, помощник), добрался до Петрограда на перекладных (на поездах, подводах, пешком). Надо учитывать, что добирался он из Саратовской губернии, имея с собой только пуд соли – как валюту.

В Петрограде он поступил в университет. Сначала – на математический факультет, но, проучившись год, понял, что это не его, и поступил заново на геологический. Учился без стипендии (в те годы ее не было), зарабатывая разгрузкой вагонов (ночами) и сдачей экзаменов за других студентов. На сей счет существовал анекдот: профессор, выслушивая ответ, всегда смотрел в пол и однажды задумался: «Странно, третий раз сдают мне экзамен одни и те же сапоги».

Блестяще окончив геологический факультет, остался – уже в Ленинграде – работать в геологической партии, затем преподавал в Горном институте, в ЛИИЖТе (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта) и университете.

В 1936 году ему присудили кандидатскую степень без защиты – по совокупности трудов о бокситах – алюминиевых рудах. Это станет его основной темой. В «послужном списке» отца – открытие бокситовых месторождений (Тихвин, Бокситогорск, Пикалево). И не только бокситовых. Впоследствии одна из улиц города Бокситогорска получит его имя – ул. проф. Вишнякова (после 1964 года). А в 1961 году за успешную работу в своей сфере, открытие новых месторождений, научные успехи папа получил орден Ленина.

Во время Великой Отечественной войны воевать не пришлось. Как ценного специалиста его оставили в Ленинграде, где он попал в блокаду. Также блокаду (первую ее страшную зиму 1941–1942 года) пережили моя мама и бабушка.

Мама много мне рассказывала об этом времени. О студне из столярного клея, о том, как вываривали кожаные ремни... Ослабевшие от голода, они уже не спускались в бомбоубежище во время обстрелов – не было сил. Мама работала. Сначала бурили скважины на воду (для хлебозавода), потом завод закрылся, она трудилась в госпитале. Но вскоре не смогла и стала разносить пенсии от Исаакиевской площади на Васильевский остров через Дворцовый

мост. Пешком. А жили они возле Исаакиевской площади, на Гороховой улице. Однажды на обратном пути мама упала, уже не имея сил идти. Помог незнакомый прохожий. Поднял ее, спросил адрес, довел до квартиры и буквально втолкнул в дверь. И ушел. Так он спас ее от смерти.

Папа в блокаду продолжал писать докторскую диссертацию. Чтобы не слышать бомбежку, он уходил в туалет, закрывался (соседей не было), клал доску на унитаз и, сидя там, работал. Работа держала, возможно, она спасла от гибели. Мама с отцом знали друг друга еще до войны, так как работали в одной организации. Но по-настоящему познакомились в эвакуации, в Сибири, попав в одну геологическую партию. Официально они зарегистрировались только в марте 1954 года – по ряду причин, в Воронеже, уже после моего рождения, а фактически поженились в 1943-м. Мама была младше папы на 23 года. В 1944 году родился мой брат Юра, который едва не стоил маме жизни – спасла деревенская бабушка-повитуха. После блокады у папы развился туберкулез, довольно долго он потом избавлялся от этой болезни. Даже после приезда в Воронеж пришлось неоднократно ездить в санаторий и проходить курс лечения.

Савва Гаврилович Вишняков

С.Г. Вишняков в аудитории
Воронежского университета.
1948 год

Сохранилось много адресованных маме писем – с 1943 года, поскольку приходилось, по роду работы, часто расставаться. После войны папа вернулся в Ленинград, но не мог выписать маму с бабушкой и Юрой (они оставались в Бокситогорске), так как не было жилья. Переговоры велись в самом Ленинграде – не получилось. Пытался договориться о дальнейшей работе в других городах: Риге, Львове, Киеве и т.д. Но по разным причинам – то отсутствие жилья, то неопределенности с работой, то неподходящий климат – тоже не получалось. Кроме того, его не хотели отпускать из Ленинградского геологического управления и университета. Переговоры в Риге кончились ничем. Из сырого города надо было уезжать – туберкулез не проходил. Довольно длительный период шли переговоры. Папа все время пишет, как ему тяжело без мамы, без Юры. Плюс ко всему и бытовые условия в Ленинграде были сложными, особенно для человека с легочным заболеванием. Комната практически не отапливалась (только электрической плиткой), спать приходилось одетым, надрывный кашель отнимал последние силы. Одним из предполагаемых мест проживания и работы оказался Воронеж. С этим городом все наконец вышло.

Интересно, что о Воронеже папа писал маме, что ей этот город может не понравиться, что он слишком разрушен и когда еще будет восстановлен! Но – все же – переехали в Воронеж. Это случилось в конце 1946 года. Сначала наша семья – вместе с другими семьями сотрудников университета – жила в общежитии около вокзала. Это оказалось одно из немногих уцелевших зданий в городе (разрушено было более 90 % построек). Здесь сложились дружеские отношения с будущими соседями по дому и колле-

гами по работе. Когда был восстановлен наш дом (силами, в том числе, пленных), семья переселилась в трехкомнатную квартиру на 4-м этаже (впоследствии, когда у папы стало болеть сердце, переехали на 2-й этаж, в бывшую квартиру профессора Левицкой, но там папе уже не пришлось пожить).

В 1949 году наша семья увеличилась – дед привез из Саратовской области дочь папиного брата Петра, погибшего в годы войны, Лиду. Для нее – уже подростка – наша семья стала родной. В основном с Лидой занималась мама, поскольку папе приходилось много работать и ездить в экспедиции. Мама рассказывала, как она спорила с учительницей в школе, которая снизила Лиде отметку за диалектизмы в речи. Пошла к директору, объяснила ситуацию и добилась справедливости. Позже Лида говорила исключительно правильно, благодаря и своим усилиям, и помощи мамы.

В 1953 году Савва Гаврилович защитил докторскую диссертацию. На обсуждении академик Наливкин (Дмитрий Васильевич Наливкин (1889–1982) – русский советский геолог и палеонтолог, академик АН СССР по Отделению геолого-географических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий) отметил, что материала в ней – на две докторских диссертации, но, к сожалению, приходится присуждать только одну докторскую степень...

В 1953 году появилась и я. Так что семья еще более увеличилась – стало 6 человек. Вместе с родителями жила мамина мама – моя бабушка. Она очень помогала маме, все время была занята какой-либо работой, просто не умела сидеть сложа руки. Даже когда ей уже было 90 лет (она прожила 92 года), гладила, сидя, белье моей маленькой дочки, которая ей была правнучкой. Но это уже было много позже.

Несмотря на крайнюю занятость, папа в редкие свободные минуты успел многому меня научить, о многом поговорить, хотя я была еще маленькой. Работать обычно отец начинал часов в пять утра, ложился же не раньше двенадцати. Мама старалась не пускать меня в комнату, когда он писал. Но, если я «прорывалась», не сердился, разговаривал со мной несколько минут и объяснял, что ему очень нужно закончить работу, а дальше он с удовольствием расскажет мне что-нибудь интересное. Получилось так, что с братом моим в основном занималась мама, так как в пору его детства отец чаще отсутствовал, больше был занят.

Когда мне было три года, родители повезли меня в Анапу. Папа со мной строил замки из мокрого песка и целые города, придумывая жизнь в этих городах.

Позже (это мне было лет 7–9) мы с ним ездили на дачу в выходные дни, даже зимой. Шли пешком километров пять. Всю дорогу я слушала истории про гайдаровских Чука и Гека, это были приключения братьев в экспедиции. Как известно, у Гайдара повествование кончается приездом Чука и Гека к отцу, в геологическую партию. К сожалению, содержание папиных рассказов не очень запомнилось, но было крайне интересно и понятно – папа адаптировал для меня геологические знания. Я еще помню, как он мне рассказывал о земной коре, о магме. Объяснял, что магма – раскаленная сметанообразная жидкость, что она иногда вырывается наверх, тогда случается извержение вулканов. Мне даже как-то эта магма приснилась. А я в ответ сочиняла сказки – почему-то про небесные светила. В общем, мой отец дал мне творческий импульс, я стала сочинять, можно сказать, с его подачи.

На даче мы расчищали дорожки, утаптывали снег под деревьями. Перекусывали бутербродами со шпиком, запивая их горячим чаем из термоса – как тогда это было вкусно! И как-то не мерзли, несмотря на то, что домик был без печки. И когда уже вечером добирались до дома, как сладко спалось после такой прогулки! Зимой отец показывал мне различные деревья, обращая внимание на разную структуру и цвет коры, своеобразие кроны каждого вида. Говорил мне, что деревья можно различать и тогда, когда на них нет листьев. Когда мы ходили с ним летом к нашему участку, то по дороге останавливались, любовались на цветы и деревья на других территориях. Первую информацию о характере почв я получила также от него, он называл мне чернозем, краснозем, супесь, суглинок... Папа также обращал мое внимание на разнообразие цветов, форм, на красоту всего растущего. Он очень любил природу, растения. Когда у нас появился сад, он с увлечением занялся прививками. С интересом читал об опытах Мичурина. Помнится, росла у нас одна груша, на которой были привиты три сорта – на трех ветках зрели разные плоды! Мечтал о том времени, когда в саду можно будет собирать первые урожаи – не пришлось... Смог дожидаться только первых отдельных плодов на молодых деревьях. К сожалению, я слишком мало общалась с отцом, когда его не стало, мне было всего 11 лет. Как бы пригодились мне разговоры с ним, когда я начала взрослеть...

Папа продолжал полевые работы в районе Курской магнитной аномалии (КМА), занимался преподаванием. Много времени уделял аспирантам, «заражая» их научными проблемами. Требовал самоотдачи и был достаточно суров, если это касалось исследовательской работы, не переносил поверх-

Профессор С.Г. Вишняков
и коллекция минералов ВГУ.
1949 год

ностного, легковесного изучения предмета. Зато когда его аспиранты доходили до защиты, как правило, было все «без сучка, без задоринки». Немало бывших его аспирантов впоследствии защищали и докторские диссертации, оставляли заметный след в науке. Долгое время Савва Гаврилович был заведующим кафедрой общей геологии, а до этого – деканом геологического факультета. Предлагали ему и ректорский пост, но, чтобы занять его, надо было вступить в партию, в планы же моего отца это не входило, ибо, как он говорил, это стало бы отвлекать его от научной работы. Да и административная деятельность не способствовала занятиям наукой, приходилось разбираться с кафедральными проблемами, планировать различные мероприятия, встречаться с «официальными лицами»...

Мама работала на факультете лаборантом, затем старшим лаборантом. Дома она была для папы машинисткой, библиографом (проверяла списки литературы), редактором и корректором. Она была очень грамотным и начитанным человеком. И только война и последующие события помешали ей получить дальнейшее образование.

Савва Гаврилович был исключительно порядочным человеком, он не позволял себе брать какие-либо приношения, сердился, когда кто-то пытался его «отблагодарить». Однажды к нам домой пришла мама одного абитуриента просить за сына. Выслушав, папа сказал, что молодой человек получит на экзамене ту оценку, которую заслуживает, никто специально «топить» его не собирается. Разговор завершился, женщина ушла. И тут мой отец заметил на холодильнике – около входной две-

ри – какой-то предмет, оказавшийся взяткой. Отец расвирепел, покраснел и помчался за упомянутой дамой. Мама испугалась, так как у папы в ту пору уже было не слишком здоровое сердце. Но он таки догнал горе-мамашу, отдал ей оставленный предмет и сказал, что уж теперь ее сын точно не поступит – она сама виновата в этом. Кстати, так и не знаю, поступил ли тот юноша в действительности...

Где только ни приходилось бывать отцу по своим геологическим делам! В пустынях (в основном Средней Азии), тундре, тайге, степях и предгорьях, в субтропиках и т.д. Он невероятно любил солнце. Когда приходилось бывать на юге, наслаждался горячим воздухом, даже не закрываясь от палящих лучей, видимо, это тоже было не слишком полезно для сердца, что и сказалось потом.

Для меня добрым примером была атмосфера в семье. Большая разница в возрасте не мешала семейным отношениям быть гармоничными. Папа относился к маме с большой нежностью, заботился и тревожился о ней. Это видно и в письмах, которые он писал маме. Посылалось иногда даже по два письма в день. Конечно, приходили они подчас с опозданием, тогда порой скапливалось по 2–3 письма разом, а иногда и больше. В них отец и описывал каждодневные проблемы, и делился впечатлениями от прочитанного или увиденного, и, конечно, не уставал говорить о своем отношении к маме. Конечно, в письмах встречаются и упреки, и сетования, но это, скорее, из-за того, что никак не получалось быстро съехаться. Их встречи, когда мама приезжала ненадолго в Ленинград, обставляются, как в детективных романах – с условленным текстом, связанным с предполагаемой работой.

К сожалению, не сохранилось ответных писем, но в текстах отца есть отражение писем, написанных ему. С любовью спрашивает папа о моем брате, тогда еще ребенке, беспокоится о нем и жалеет, что редко видит его. Его, маленького, папа звал «Юка», потом уже «Юрик», «Юринька». Надо учесть, что в это время папа чувствовал себя худо – и горло, и легкие далеко не в порядке были.

Первые годы совместной жизни оказались очень трудными, так как не было возможности сразу получить квартиру и обитать вместе. И только в 1946 году, когда все собрались в Воронеже, началась нормальная (стабильная) семейная жизнь. Несмотря на массу препятствий, на переживания насчет жилья, на болезни, родители мои были счастливы так, как, может быть, не бывает счастлив человек с более благополучно устроенным бытом... Их согревало не только чувство любви, но и взаимное уважение, взаимный интерес. Мама считала отца не только му-

жем, другом, но и учителем во многом. Благодаря своему супругу она неплохо разбиралась в геологии, хотя и не получила специального образования. Как она мне потом рассказывала, смотрела на него «снизу вверх». Его внезапная смерть была большим горем для мамы. Он умер «на бегу». В тот день – 10 апреля 1964 года – была научная конференция, после которой преподаватели зашли к нам домой и дискуссии продолжались часов до 12 ночи. А в 2 часа (уже 11 апреля) у него остановилось сердце...

Когда не стало мужа, мама долго болела. Я спрашивала позже, не хотела ли она устроить потом свою личную жизнь (все-таки осталась вдовой в 43 года). Мама мне ответила, что никого не могла рядом с отцом поставить, слишком он был крупной личностью. Поэтому так и не смогла выйти замуж. Да и не хотела. Папа уважал в жене сильный характер, разносторонность интересов, умение создать уют и тепло в доме. Удивлялся, как – такая молодая – она стала основным кормильцем семьи (отец мамы рано умер, когда она была еще школьницей, и с 9-го класса мама стала работать, перешла в вечернюю школу). Как муж, папа старался ее защищать и во многом помогал. В сложных житейских ситуациях всегда брал ответственность на себя. В хозяйственные же мелочи не вмешивался, считая, что тут женщина, хозяйка сообразит и сделает лучше. Когда бывал в командировках, старался привезти маме и Юре то, что могло их порадовать.

Савва Гаврилович достаточно строго относился к детям. Он считал, что мужчину (т.е. брата моего) надо воспитывать без сюсюканья, без излишнего оберегания от проблем. Был такой эпизод: на свой день рождения Юра хотел пригласить достаточно много друзей. Отец сказал ему: «Если хочешь устраивать большой праздник, сначала приведи в порядок пол в квартире». И Юра в спешном порядке подклеил паркет и покрыл его мастикой. Будучи уже старшим школьником, Юра попросил отца купить ему костюм, сказав, что у его одноклассника (сына сапожника) есть три костюма. На что папа ответил, что у Юры и так три костюма: школьный, спортивный и праздничный – и этого вполне достаточно. И сын профессора вовсе не должен выделяться особой одеждой. Тем более отец наш не пользовался своим положением, считал, что дети сами должны поступать в университет, без помощи родителей. Так поступала (и поступила) двоюродная сестра, Лида. Причем поступила на геологический факультет и прекрасно училась там. Юра поступал вообще не в Воронеже, а в Москве. Там уж никто не знал его. Он успешно прошел на физический факультет МГУ, где был огромный конкурс (в 1961 году, когда все рва-

лись на физические и математические факультеты). Кстати, отец не очень был доволен, что сын уезжает поступать в другой город, он считал, что в Воронеже неплохой университет и сильные преподаватели, нечего рваться в столицу. Брату помогло то, что также сдавать экзамены в Москву поехал сын знакомых, Костя. И как раз родители Кости уговорили отпустить в столицу и Юру.

Когда же я поступала на филологический факультет, отца моего уже не было в живых, но принцип самостоятельного поступления оставался в нашей семье, поэтому мама не вмешивалась в мои «поступательные» проблемы.

Савва Гаврилович обладал хорошим чувством юмора. Не травил анекдотов, но шутку понимал и ценил. Как-то рассказал маме о таком случае.

Они вдвоем с рабочим пошли в поле, захватили с собой еду. Поработали, сели перекусить. Папа вынимает свой пакет. Вдруг рабочий потянул носом и говорит: «Савва Гаврилович, мы что-то неладно сели». Сменили они место – та же реакция. И опять рабочий в сомнении. Наконец, папа догадался и свой пакет поднес к носу этого товарища и спрашивает – это, мол, такой запах? Тот вскочил и говорит: «Ну да, запах такой же». Отец рассмеялся и говорит: «Чудак вы, это же сыр! Причем очень хороший!» После этого, если были всякие сомнения насчет запахов, у нас в семье говорили: «Ну что, неладно сели?» В письмах также описываются забавные и нелепые ситуации.

Характерное для человека, пережившего блокаду, отношение к еде, к необходимости поправиться. Менталитет людей того времени в этом плане был совершенно другим, чем сейчас. Считалось, что, если человек не прибавил в весе после пребывания в больнице или в санатории, он не излечился.

Папа почти всегда внушал людям симпатию, как-то не боялись доверить ему вещи или (был такой случай) даже квартиру. В 1960 году он поехал в Ялту – полечить горло – уставало оно после учебного года: чтения лекций, проведения занятий и т.д. Надо было подышать морским воздухом и – помолчать. Сразу отец не смог найти жилье. Но на него сама вышла жительница Ялты, которая хотела сдать свое жилье надежному человеку. Увидев отца, она сразу прониклась к нему доверием. Причем даже денег с него не взяла. Как о курьезе напишет об этом Савва Гаврилович в своем письме 1960 года. Не каждому же – совершенно незнакомому человеку – оставят квартиру со всей обстановкой, да еще ключ доверят перед отъездом передать своим знакомым. Правда, сам он тоже был склонен доверять людям, надеясь на их порядочность.

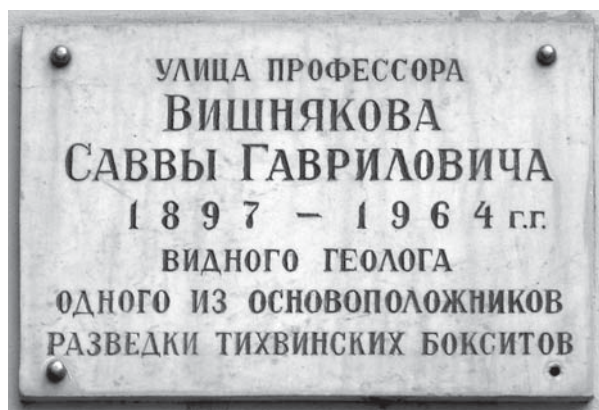

С.Г. Вишняков с семьей встречает новый, 1960 год

Отец никогда не считал себя исключительным, он с уважением относился к представителям любой профессии. Мама рассказывала, что, когда уже папы не стало, к ней в университете подошла уборщица, которая работала на кафедре. Со слезами на глазах она сказала: «Какой замечательный человек был Савва Гаврилович! Всегда подойдет, поздоровается, спросит про здоровье, про детей... С большим уважением и сочувствием к нам относился! Таких уж и нет больше».

Отец никогда не забывал своих родных, очень любил сестру, которая не раз к нам приезжала – Анну Гавриловну (тетю Нюру). Она не получила никакого образования (как старшей девочке в большой крестьянской семье ей приходилось вести дом: готовить, ухаживать за скотиной, смотреть за младшими детьми), но была удивительно мудрой женщиной, остроумной, любящей и спеть, и посмеяться, несмотря на очень тяжелую жизнь. У тети Нюры рано погибла дочь, попав под трактор, и она одна воспитывала внучку, которая звала ее мамой. Когда Юры была свадьба, помню, тетя здорово пела частушки – у нее был сильный и красивый голос. Тетя Нюра, когда ее брат серьезно болел, отпаивала его молоком, откармливала деревенскими продуктами и черной смородиной в большом количестве.

Кстати, отец, когда уже я его знала, обладал хорошей, нормативной, вполне литературной речью. Мама рассказывала, что он сам себе ставил произношение, говоря, что, раз преподает, должен обладать правильным языком, просил знакомых делать ему замечание, если проскочит ошибка или диалектный вариант. Сейчас такая задача бы проще решалась, можно записывать речь, а потом прослушивать, а тогда, в 1930-е годы, магнитофонов или диктофонов ведь не было. Надо было просто слушать себя

В 1970 году именем профессора С.Г. Вишнякова была названа улица в городе Бокситогорске Ленинградской области

внимательнее. Достаточно сложно отделаться от характерного говора. У нас, например, был преподаватель, который очень заметно окал, хотя много лет прожил в Воронеже, где были, скорее, другие особенности произношения.

Повторюсь еще, что мама, поскольку была очень грамотным человеком, также иногда папу поправляла. Да и то в основном в письменном тексте, потому как устная речь уже не требовала поправок.

Папа любил читать. К сожалению, не очень много времени у него на это оставалось, но когда была возможность, брался за книгу. Попав в туберкулезный санаторий, он просил маму в письме привезти материалы для работы и книгу для чтения. Работал же он везде, где только можно было пристроиться.

С мамой они с удовольствием ходили в театр: и в драматический (в Воронежском драмтеатре был сильный актерский состав в те годы), и в музыкальный. Если, будучи в командировке, папа попадал в город, где был театр, старался посетить его. Когда мама собиралась приехать в Ленинград из Бокситогорска, отец писал об обязательном походе в театр с ней. Да и уже из Воронежа, приезжая в Ленинград по различным делам, при первой же возможности спешил отправиться на новую постановку. В кино ходил тоже с удовольствием. Савва Гаврилович отдыхал, слушая и классическую музыку, и песенную. Одни из его любимых были «Я люблю тебя, жизнь», «Геологи», многие другие советские песни. В одном из писем папа жалеет, что не сможет попасть на концерт Клавдии Шульженко.

К сожалению, было много причин нервничать и переживать по поводу работы, поскольку Савва Гав-

рилович всегда все принимал очень близко к сердцу. Напряженная обстановка в экспедиции, невыполнение планов, беспорядок в делах – все это тревожило. Надо еще учитывать, что о подобной ситуации речь идет в письмах 1950 года, это было еще сталинское время. Поэтому и проверки, и телеграммы, описанные в очередном письме, могли бы плохо кончиться... С досадой он отмечает не слишком рабочую обстановку. Довольно эмоционально передает свои впечатления о докладах и докладчиках, выступавших на конференциях.

Геология его всегда увлекала. Даже в самые тяжелые периоды он «лечился» работой, не мог без нее, работа (научная и практическая деятельность) была смыслом жизни.

Где бы Савва Гаврилович ни находился, сразу улавливал профессиональным взглядом интересное и нужное для своих исследований. Были ли это образцы, отложения, изверженные породы, обнажения и т.д. Даже будучи на аэродроме в Карелии, не удержался, взял образец песка, о чем он пишет в письме.

Наша большая история состоит из множества частных. Когда пожилой человек вспоминает свои молодые годы, он невольно приукрашивает их, поправляет, смотрит на прежние события уже другими глазами, сам иногда этого не осознавая. Но если читаешь письма, записки или дневники, которые писались в пору детства, молодости или зрелости человеком, непосредственно реагирующим на окружающее, попадаешь в реальное время, пусть и поданное субъективно. События же, переданные сложной и интересной личностью, предстают иногда с неожиданной стороны.

Письма, представленные здесь, расшифровывать было нелегко. Почерк не всегда разборчив, чернила кое-где выцвели или стерлись, а отдельные послания вообще написаны карандашом – простым или химическим. Сгибы листов иногда почти расходятся – и остается тайной некогда написанное слово... К тому же не всегда они писались за столом. Думаю, что порой на полевой сумке, на папке, книге или тетради, а может быть, и на коленях. Это можно предположить по почерку – более или менее четкому, по характеру строк. Когда все-таки удавалось распознать написанное, связать его с событиями и людьми, о которых знал или слышал, это чрезвычайно радовало.

Надеюсь, что предложенные тексты писем будут интересны тем, кому не безразлична наша история и жизнь человека в этой истории.

«УСПЕЛ УЖЕ СОСКУЧИТЬСЯ...»

ИЗ ПИСЕМ ПРОФЕССОРА С.Г. ВИШНЯКОВА ЖЕНЕ М.И. ВИШНЯКОВОЙ

13.02.1946

Ленинград

Милая моя Муся!

Вот я уже съездил в Ригу. Не познакомиться, а по-настоящему. Поездка, в общем, удачна, но главные вопросы до конца всё же не доведены.

Разговоры вел с деканом почвенно-геологического факультета и директором института полезных ископаемых, представленным в одном лице. Кроме того, разговор шел с заместителем ректора университета.

В отношении работы в университете договорились, что я буду читать лекции на русском языке, написав предварительно конспект своих лекций для перевода на латышский язык, с тем чтобы студенты ознакомились с ним до начала лекции, так как многие из них плохо понимают по-русски. Большую нагрузку на первый год решил не брать. Они очень охотно согласились со всеми моими предложениями и очень хотят, чтобы я работал в университете. Но со своей стороны они ставят условия, чтобы через 2–3 года я изучил латышский язык и читал уже на нем. Я не возражал, но это, конечно, не такая уж легкая дополнительная нагрузка. Не знаю, справлюсь или нет с этим делом. Думаю, что за тот срок, вращаясь среди живого разговора, кое-как удастся освоить.

Институт находится в стадии реорганизации и пока не знают, во что это выльется, скорее всего, в самостоятельное учреждение или в филиал управления. Но во всех случаях, независимо от названия этого учреждения, я буду там работать в штате. Очевидно, буду получать 1,5 ставки в обоих учреждениях. В оба учреждения подал заявления, анкеты и пр. Поставил для выполнения следующие условия: 1) предоставить мне квартиру в 4 или, по меньшей мере, в 3 комнаты в полной готовности для жилья и обставленной хотя бы самой необходимой мебелью. Квартиры у них в данный момент не было, но они согласились удовлетворить эти требования. Спрашивали меня, где лучше мне искать квартиру – в центре города или за городом...

Город Рига очень нравится мне. По-моему, он более изящный, чем даже Ленинград. По крайней мере, он выглядит новее и чище. Но, конечно, во много раз меньше. Для нас с тобой, однако, вполне хватит. Там много парков, аллей. Латышские геологи встретили и проводили меня очень радушно. Относились с изысканной, непривычной для нас внимательностью. Купили мне билет в Театр оперы и балета на «Аиду» на латышском языке.

Самым крупным и серьезным недостатком является латышский язык. В учреждениях все пишут на латышском языке и говорят тоже. Хоть русских людей там очень много. Не менее 20–30 %. Тебе тоже придется обучаться латышскому языку.

Второй недостаток – это очень уж малая территория Латвии и нет никаких путных полезных ископаемых. Боюсь, что будет очень скучно для моей широкой геологической натуры. Эти вопросы меня очень смущают.

Милая Мусинька, я тебе писал перед отъездом в Ригу, что из Воронежского университета получил 2 письма, где меня приглашают с радостью туда. Обещают весной или летом подготовить квартиру из 2 комнат. Может быть, в Воронеж лучше?..

23.03.1946

Мусинька моя милая!

У меня такое отвратительное настроение – хуже быть не может. Сегодня я получил отказ из Комитета по делам геологии о переводе меня в Ригу... Сегодня дам телеграмму в Ригу. Если получу неопределенный или отрицательный ответ, то придется направить заявление в Воронежский университет. Там народ более энергичный и более заинтересованный...

08.04.1946

Муся, милая!

Вчера возвратился из Москвы, был у зам. Малышева¹ – у Данильченко. Он ничего отрадного мне не сообщил. Дал бумажку на имя Пожидаяева следующего содержания: «Ст. геол. Вишняков обратился в Комитет с просьбой об освобождении его от работы в управлении в связи с отсутствием у него в г. Ленинграде жилищной площади. Прошу сообщить Ваше мнение по этому вопросу». Предлагали мне работу в Алма-Ате, Вильнюсе и др. местах, но не Ригу, так как латыши не оформили свое геологическое учреждение в Комитете и поэтому туда не могут меня отпустить. Если Пожидаяев дает согласие, то Комитет может отпустить, однако это отговорка. В конце концов можно, помимо этих препятствий, пройти через Комитет по Высшей школе. Но куда? В Воронеж только. Наливкин мне предложил в Ростов-на-Дону. В течение 4 дней, т.е. до 12 апреля, точнее установлю перспективы как в Управлении, так и в Горном институте в отношении квартиры, т.е. с какой достоверностью можно рассчитывать на квартиру и когда эта квартира будет готова. Если можно рассчитывать на эти источники, то я постараюсь договориться проработать лето в Бокситогорске; или обменять комнату в Ленинграде, чтобы иметь пристанище.

Таким образом, Мусинька, если определенно обещают квартиру или 2 комнаты дать к осени, то остаемся в Ленинграде. Если же нет, то едем в Воронеж...

19.04.1946

Родная моя Муся!

Давно от тебя не получал письма – как-то грустно стало...

Из Латвии пока ничего нового. Подожду до 1 мая, а потом отправлю заявку в Воронеж, туда-то уж вытянут нас.

Родная! Мусинька, не волнуйся, пожалуйста, насчет неудач нашего переезда. Они временны. Это вообще быстро не делается, а мне хотелось б.м. основательно. Ведь в 3 пунктах действую. Рига, Ленинград по 2 раскладам и – вот-вот думаю начать с Воронежем. Не беспокойся и не волнуйся, еще не столь много неприятностей, все кончится благополучно. Где-нибудь да уж выйдет – не там, так здесь...

Обнимаю тебя и нежно целую. Твой С. Вишняков

17.05.1946

Ленинград*Милая моя Муся!*

Я тебе не телеграфировал, ибо ничего нового нет. Ни из Риги, ни из Воронежа никаких вестей не получил. Ты только, пожалуйста, не огорчайся, так как сейчас я написал (вернее, пишу) в Воронежский университет всякого рода заявления и в конкретной форме, чтобы они зачислили меня с 1.08 или 1.09 в сотрудники и предоставили к этому времени квартиру, а самое главное, чтобы меня выпустили из ЛГУ. Во всех этих возможностях я вполне уверен и поэтому совершенно успокоился и тебе тоже рекомендую...

¹ Вячеслав Александрович Малышев (1902–1957) – советский государственный деятель, один из плеяды «сталинских наркомов», руководивших созданием индустрии Советского Союза в конце 1930-х – начале 1950-х годов. Герой Социалистического Труда, генерал-полковник инженерно-технической службы.

25.05.1946

...Вчера на заседании видел профессора Соболева из Львовского университета, он еще раз уговаривал меня ехать во Львов. В газетах, говорят, много конкурсных объявлений на замещение должности доцентов в вузах. Если Воронеж будет тянуть, то направлю во Львов заявление. К осени, безусловно, перееедем. Сейчас усиленно пишу статью для Геологии Союза по бокситам Тихвина, листа 2 уже написал, но еще осталось 75 %. К твоему приезду обязательно закончу. Если не закончу, то ты меня должна выругать и застыдить. Вчерне закончу, даю тебе слово.

06.1946

Муся, милая моя!

После долгих и мучительных колебаний я, наконец, решился отправить заявление в Воронежский университет. Переезд в Воронеж почти наверняка осуществится. То есть там меня оформят и вытащат из Ленинграда – нет сомнений.

Милая, ты должна себе совершенно отчетливо и реально представить, что Воронеж не Рио-де-Жанейро, так говорил Остап Бендер. Это все же развалины, среди которых торчат отдельные, также полуразрушенные жилые постройки. И лишь кое-где глаз отдохнет на целом стоящем доме. Это ничего похожего на Ригу не имеет, тем более на Ленинград. Ленинград мы покидаем совершенно сознательно. Конечно, мы бы здесь устроились и имели 2 комнаты обязательно, а через некоторое время, может быть, и целую квартиру. Но всему бывает предел. Последний день в Бокситогорске меня в этом еще больше убедил, что переживания у тебя и у меня пришли к концу. Надо действовать. Но не в этом еще дело.

Климат Ленинграда все же неподходящий для меня, да и для Юрика. Он хуже, и жизнь материальная в Ленинграде значительно дороже, чем в Воронеже. Вот эти факторы пока компенсируют плохой Воронеж хорошим Ленинградом. Одним словом, «концы отдал».

Теперь ждатель причала к другому берегу...

Родная, я меньше буду ощущать недостатка города. У меня есть интересная работа и хорошая семья, а у тебя столь интересной работы не будет и тебе тяжеленько будет плохой город ощущать. Прилагаю тебе вырезки из «Московской правды», где описывается Воронеж. Как видишь, он далеко не блистает своей красотой и удобством.

И это будет лишь через 20 лет...

06.10.1946

Ленинград

Передо мной лежит лист с вопросами, что надо сделать по отъезду в Воронеж. Всего 21 дело. Сделано мною – 7...

Целую тебя крепко. Твой С. Вишняков.

20.07.1947

Хреновое

Милая Мусинька!

Вторые сутки, как я нахожусь в санатории Хреновое и могу, в основном, все тебе описать.

Доехал я сидя, но спать всю ночь не пришлось, ибо душно и тесно. Приехали на станцию в 4 часа утра. Через час на машине привезли в санаторий. Санаторий от станции находится в 4–5 км. Ехать по красивой дороге – сады, леса, красивые постройки Конного завода.

Санаторий расположен на опушке леса, вернее уже в самом лесу, а перед лесом – степь. Лес – дуб и сосна – очень высокий. Санаторий состоит из нескольких деревянных домов – дач, где и помещаются больные. Я поместился в комнате, где, кроме меня, еще 2 человека. Публика как будто хорошая. Один – политический работник, бывший секретарь райкома, а второй – кооперативный работник. Вообще же публика в санатории очень занятая, большей частью мужчины: больных около 300 человек. Воздух действительно здесь хороший – как в лесу, так и в степи, местность ровная, но не сырая, а сухая. Врачебного осмотра пока еще не было. Мне прописан кумыс, а сегодня предложили рыбий жир – я, конечно, выпил. Вымыли в душевой, дали белье. В комнате очень убого:

С.Г. Вишняков во время экспедиции (гора Иманкара, Казахстан). 1927 год

3 кровати и 3 табуретки, да и 1 шкаф. Никаких столов и стульев нет. Теперь насчет главного – питания. Официальная раскладка пищевая на сутки для больного:

хлеб – 500 гр.,
хлеб белый – 100 гр.,
сахар или кондитерские изделия – 30 гр.,
масло – 60 гр.,
крупы, овощи, небольшие котлеты.

24.07.1947

Милая Мусинька!

О своем житье-бытье я могу теперь написать подробнее. Самое основное, что нас беспокоило – питание – оно оказалось значительно лучше, чем нас информировали. Вероятно, улучшилось по сравнению с тем, что было прежде. Только немного не хватает.

Добавляю понемногу масла и медку. Вообще питаюсь значительно лучше, чем дома. Готовят неплохо – вкусно. Время идет совершенно незаметно. Распорядок дня такой: в 7 часов – подъем, в 8 ч. 30 мин. – завтрак, после завтрака я отправляюсь со своим патефонным чемоданом в лес – работаю под дубом, в холодке, часа 3. В час – кумыс (кстати, кумыс дают 1 стакан в день, я пью пополам с коровьим молоком). После часу продолжаю работать. В 2 ч. 30 мин. – обед. С 3 до 5 ч. – отдых, в 5 ч. 30 мин. – чай. С 5 до 8 ч. 30 мин. – читаю, с 8 ч. 30 мин. – ужин. С 9 до 11 ч. обычно кино. Кинокартины старые, лента рвется, так что по 2 дня смотрим одну и ту же картину, около ¼ времени у механика идет на налаживание. В 11 часов спать укладывают нас. Таков мой день.

Воздух в санатории – чистый, в лесу прохладно даже среди дня, т.е., хочу сказать, не жарко...

Здесь врач мне сказал, что мне можно сделать операцию с удалением большей части легкого, т.е. вырезать каверну – и дело с концом. Но эту операцию могут сделать только в Москве – и это так непросто, ибо таких операций сделано очень немного еще.

Целую крепко. Твой С. Вишняков.

28.07.1947

...Мусинька, ты знаешь, что я думаю. Тебе неплохо приехать сюда, в Хреновое, дней на 5–7. Ты немного отвлечешься от надоевшей тебе обстановки и суеты. Получишь новые впечатления, как говорят, встряхнешься, проветришься.

Пещеристый песчаник. 1927 год

Я говорил со своим компаньоном по комнате. Он здешний, хреновской житель. Бывший секретарь райкома, политрук завода. Он говорит, у них можно остановиться на этот срок. Да и вообще, здесь не проблема найти помещение. Санаторий ведь находится около села Хреновое, которое является районным центром. Домики здесь хорошие. Рядом с лесом.

Здесь бы мы ходили с тобой каждый день гулять в лес, лес здесь очень красивый, высокий – сосна и дуб. Я уверен, что ты за неделю здесь бы ожила. Идет? Решено?

Мусинька, если ты решишь, то напиши предварительно письмо. И точно укажи, когда приедешь. Поезд приходит сюда в 4 часа утра. До санатория от станции – 4 км. Я тебя часов в 5–6 встречу, а, может быть, успею к 4 часам.

Забери с собой, конечно, хлеба. Базар здесь по воскресеньям. На базаре всё есть. Цены такие же, как и в Воронеже. Яйца – 35–37 руб., масло – 140–130 руб., молоко – 10–8 руб., мед – 20 руб. стакан. Но яблоки недорогие – 3–5 руб. 10 штук.

Ведь ехать совсем пустыки – 7 часов. Билет достать легко... Дорога обойдется взад-вперед – 55 руб. Эти цены – небольшой расход. Да здесь рублей 150 проживешь. Как-нибудь выкрутишься, но зато ты немного встряхнешься. Плохо будет здесь – через 2–3 дня поедешь обратно. Заодно мне привезешь кое-что из книг. Беллетристику и геологических...

12.08.1947

Мусинька, милая!

Пишу последнее письмо, так как 16.08 утром встречаю тебя на вокзале. Мусинька, имей в виду, я могу немного запоздать к приходу поезда и даже наверно запоздаю, так как до поезда идти 4,5 км, а поезд приходит на рассвете. А я могу выйти из санатория, как только рассветает, так что, может быть, ½ часа вам придется меня ждать. Вокзал паршивенький, но там есть садик. На подводу или машину рассчитывать не следует, придется пешком тащить Юрика и вещи...

Захвати часы – они нужны обязательно, захвати конвертов немного. Далее бери рублей 400. Захвати сатин – продадим здесь...

Здесь очень хорошая погода, а в лесу как хорошо – будем принимать воздушные ванны. Захвати книжонок 1–2.

09.06.1948
Бокситогорск

Мусинька моя!

Возвратился сейчас из Манчегорской партии, думал, что письмо есть от тебя, но – не оказалось. Может быть, завтра получу, так как секретаря не было, а ее помощница не нашла.

Пришлось прочитать еще раз твое письмо от 01.06, от него мне не стало веселее, наоборот, грустно. Что-то я боюсь, как бы ты снова не заболела, оставшись одна. Единственная надежда на Елену Антоновну. Передай ей от меня привет.

На это письмо ты уже не успеешь ответить, так как я выеду из Бокситогорска 16 или 15 числа (еще в Москве нужно дело сделать). 19.06 собираюсь обязательно быть в Воронеже, однако, если я запоздаю на день (до 20.06), ты, пожалуйста, не беспокойся, так как у меня в Москве будут некоторые дела по поводу огнеупоров – нужно будет доложить академику Бардину² о новом месторождении...

Работа моя здесь движется очень неплохо. Работаю много и с удовольствием. Набрал целый ящик образцов в Воронеж...

11.02.1949

Милая моя Мусинька!

Я все еще в Ленинграде, сегодня выеду в Бокситогорск, а числа 16 – обратно в Ленинград. Из Ленинграда выеду 18, но не позднее 19.02, т.е. в Воронеже буду 20–21.02. Чувствую себя очень хорошо, только плохо ночью сплю. Вот уже 3-ю ночь во сне тебя вижу – то одну, то с Юриком...

Милая моя, я очень соскучился, надоел мне Ленинград и хочется скорее в Воронеж...

18.05.1949

Здравствуй, моя милая!

Шлем тебе с Юриком привет и крепко-крепко целуем, и желаем тебе хорошенько отдохнуть.

Как мы рады твоему письму! Мы его так и ждали сегодня, т.е. 18 мая. Ведь Юрик сам принес и нашел это письмо – и говорит: «Прочитайте, папа, от мамы письмо».

Пожалуйста, не беспокойся, родная, мы все здоровы и чувствуем неплохо себя. Юрик немного продолжает покашливать, даем лекарство. Он по целым дням на улице – то самостоятельно, то с бабушкой, а к вечеру со мной гуляет. Аппетит такой же. Пока еще не надоедает о маме. А после твоего письма начал меня тормозить, когда же поедем к маме в Икорец. Я ему обещал на той неделе. Мусинька, и на самом деле приедем к тебе. Только где там нам переночевать вот? Приедем обязательно числа 25–24.05.

Мусинька, какая пречудесная погода стоит – сплошной курорт – у меня сирень и ландыши на столе. А какие очаровательные вечера! Только очень как-то пусто без тебя. Многого не хватает.

Вчера сбежал на «сталинградскую битву»: одолели меня дипломники. В субботу закончу со всеми ними. Работаю урывками. Сейчас иду читать напутственную речь преддипломникам, уезжающим на полевые работы...

Юрик второй раз меня попросил прочитать твое письмо, да и сам я с удовольствием это делаю для себя.

Бабушка здорова.

Целую тебя и обнимаю крепко.

Твой С. Вишняков

20.05.1949
Воронеж

Милая моя Мусинька!

Получил я сейчас твое второе письмо и опечален, что ты там не поправляешься, а объедаешься. Ешь понемногу, но чаще или перейди на диетический стол. Проверь обязательно желудок свой, ведь для этого ты и поехала, чтобы лечиться, а не портить желудок. Называется санаторий, где тебе не лучше, а хуже, чем дома.

² Иван Павлович Бардин (1883–1960) – советский металлург, вице-президент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий первой степени.

Мы все здоровы. Юрик все покашливает. Надо бы еще лекарство заказать, да денег нисколько нет и занять не у кого. Деньги будут не раньше как 23, а возможно лишь 25.05. Как только получим деньги, так и прикатим с Юриком...

Мы с ним теперь дружим, он ко мне все льнет. Каждый вечер ходим гулять в Первомайский. А в воскресенье поедem в цирк или в парк (смотря – будут или не будут у нас деньги). Он загорел, целый день играет на дворе. Как на площадку привезли много песка, вот он и играет с ребятами. Бабушке и мне не надоедает. Не дозваться его домой...

Я закончил почти с дипломниками. Вчера серьезно меня затошнило от чтения диплома Клекля. Очень плохо сплю ночами, встаю в 5 часов. Работаю хорошо, но очень уж устаю. По-видимому, нервишки подрастались. Приеду к тебе на 2 дня и отдохну. У меня быстро проходит. Елизавета Игнатьевна говорит, чтобы ты не скучала и не беспокоилась, а поправлялась.

Юрик тебя целует, и я целую крепко. Твой С. Вишняков

28.05.1949

Воронеж

Родная моя и любимая Мусинька!

Сейчас 1 час ночи (значит, письмо написал не 28, а 29.05). Передо мной целый штабель дипломных работ на рецензирование. Одну из них (из 5 дипломов) закончил. Но спать и работать как-то нет желания. Какое-то тоскливое настроение. Мне кажется, что мы очень надолго расстались, и совсем не верится, что это произошло только сегодня утром. Мне кажется, уже давно это было, и я бы сейчас посмотрел на тебя с такой же глубокой радостью и обнял бы так же крепко, как только приехал к тебе. Надеюсь, что все эти волнения улягутся и чувства успокоятся.

А ты, милая, отдыхай, набирай здоровья. Нам с Юриком пришлось ехать до Лисок без билета, так как в Икорце поезд стоял 2–3 минуты. А эта ведьма кондукторша сразу же нас стала бранить и не дала последний раз посмотреть на тебя. Я злюсь на этого наездника, отнявшего у нас последние минуты. Юрик прекрасно чувствовал всю дорогу, а когда приехали, после обеда 5 часов спал. И сейчас спит, и заснул сразу же...

29.05.1949

Трехдневный отдых в Икорце на меня весьма плодотворно подействовал. У меня сейчас громадное желание работать, как будто я не уставал, и сделать больше с тем, чтобы как вернуться, то больше иметь свободного времени, когда будем вместе.

Сегодня я побил рекорд. Просмотрел уже 3 диплома и написал на них отзывы. Сейчас пойду с Юриком гулять (время – 7 часов), а потом засаживаюсь кончать еще 2 диплома – к 2 часам закончу (правда, я не отдыхал сегодня и поэтому, возможно, и не выдержу).

31.05.1949

Последний день мая – весны...

Сегодня у меня весьма бурный день, полон хлопот и канители. Пошел я получать командировку, но – увы! Оказалось, что я опять член Государственной экзаменационной комиссии. Этот ловелас (Точилин³) в декабре меня включил, а сейчас уверяет, что он тут не причем. Конечно, Адерихин⁴ не пустил меня в командировку, так как 7.06. начнутся экзамены.

Завтра иду к Латышеву⁵, чтобы он освободил меня хотя бы от политических экзаменов 7.06., а отпустил в Тихвин до 23.06., т.е. до начала экзаменов по геологии и дипломных защит. Не знаю, чем все это кончится...

Мусинька, а какой тонкий и приятный аромат издает наша цветущая маслиновая аллея! Как духами обдает. Как жалко – нет сейчас тебя (а тем более вообще нет тебя – еще обиднее). Ох, а какое чудесное утро сегодня было. Я встал в 5 часов, но не хотелось уходить от окна. Лучше, чем в ваших там санаториях. Ей-богу, хорошо!

³ Митрофан Степанович Точилин (1910–1968) – профессор, доктор геолого-минералогических наук, тогда – заведующий кафедрой минералогии и петрографии ВГУ.

⁴ Прокопий Гаврилович Адерихин (1904–1988) – профессор, доктор биологических наук, тогда – декан геолого-почвенного факультета ВГУ.

⁵ Николай Петрович Латышев (1900–1976) – доцент, кандидат экономических наук, тогда – ректор ВГУ.

С.Г. Вишняков (слева)
в экспедиции на станции
Тешемля Вологодской
области. 1934 год

04.06.1949

...Сегодня второй день в Ленинграде, но в 6 часов вечера уеду в Бокситогорск. Задержали меня в управлении. Нужно было дать 2 рецензии на отчеты.

Остановился я у Вейхеров. Никуда не ходил и ничего не видел.

Погода хорошая. Правда, говорят, что теплые дни только что наладились...

В Ленинграде – МХАТ, в двух местах дает спектакли.

Мусинька, ведь в Воронеже Шульженко дает концерт! Жалко, что нет нас там...

31.08.1949

Ленинград

Мусинька моя милая!

Вчера из Тонкинской возвратился в Ленинград, а сегодня отправился в Бокситогорск.

Можно было бы очень много написать о Тонкинской интересного – просто целый рассказ, но нет времени.

Прежде всего меня изумила красота ландшафта. Красивые большие озера, расположенные среди холмистых лесных пространств; финские сказочные края. Погода стояла на редкость хорошая, поэтому все вокруг выглядело красиво. Много диких тетеревов, глухарей, лисиц, оленей, медведей и волков.

Всего необходимого мало сделано, партия оказалась в запущенном состоянии, много неправильного в работе, и поэтому пришлось по этим вопросам возвращаться в Ленинград...

04.09.1949

Бокситогорск

Моя Мусинька!

Вчера я приехал в Тихвин, не в Бокситогорск. Встретился с большой неприятностью. Здесь меня не оформили, и поэтому я не могу консультировать партии. Я уж собирался ехать завтра в Воронеж, но решили меня нагрузить педагогической работой. Объеду все партии и буду читать в каждой из них лекции о геологии района, о бокситах и о методике работы. Числа 18 кончу эти работы, а там видно будет. Меня, конечно, несколько огорчило это, но сейчас я вполне успокоился. На Север я ездил, как уже тебе сообщал, весьма успешно – и извлек для себя кое-какую пользу...

10.09.1949

Бокситогорск

Мусинька моя!

Я сейчас читал «Накануне» Тургенева. Какая прелесть! Я, ей-богу, почувствовал себя таким же молодым, как герои этого романа. Сколько красивого и волнующего в этой книжечке. А сейчас при- мусь работать – главу о физических свойствах бокситов (какая грубая проза после такого романа)...

17.03.1950

Ленинград

Милая Мусинька!

Хоть ругай, хоть не ругай, но в течение 2 дней, проведенных в Ленинграде, не мог написать тебе даже открытки. Очень уж много всяких дел. И вот я пишу это письмо, сидя в вагоне – Тихвин. Но, видно, не успею написать до отхода поезда, опущу в Мге.

Доехал я до Ленинграда вполне хорошо – еще бы, на «Красной стреле». Остановился у Вейхера. А в Управлении оказалась уйма всяких дел: проконсультировать три партии, да еще всякие мелкие вопросы. Вот я с 9 утра до 10 вечера не выходил из Управления. А вечером с Вадиком⁶ был, ходил к политехникам разведать, но не нашел Дамперова.

Вот и поезд тронулся.

В Ленинграде в магазинах (в гастрономических я только бывал) всего много и большое разнообразие – сахару сколько угодно, булок всяких. Но погода паршивая: то ветер со снегом, то мороз, а сегодня вроде дождь. Чувствую себя хорошо. Как ни странно, живот не болит вовсе. Вот сегодня не было времени пообедать. Наелся я на скорую руку сосисками с булкой – и хоть бы что.

Денег в кармане 16 рублей на случай, если не пришлют машину и ехать на автобусе...

Предлагают мне писать статью по бокситам в 4 печатных листа...

Ты, конечно, спросишь, как я соскучился или не соскучился. Отвечу – с большим бы удовольствием хотел быть дома, с вами...

20.03.1950

Бокситогорск

Милая моя Мусинька!

Вот я уже три дня, как в Бокситогорске, успело уже принаскучить мне. Правда, скучаю я только вечером и недолго, так как до головы загружен всякой работой...

В Бокситогорске вроде Воронежа: белый хлеб не всегда можно купить. Сахару нет. А остальное есть всё. Погода здесь весенняя – снег дружно тает. Дни теплые и даже солнечные...

22.07.1950

Бокситогорск

Мусинька, если ты знала бы, какая здесь тяжелая и напряженная обстановка (в экспедиции). План не выполняется, в экспедиции начальство за начальством. Всякие комиссии, обследования, телеграммы из министерства угрожающие. Все друг с другом переругались, жалуются – как с ума посходили. Геологические результаты неважные, но пока не компрометирующие меня. А то бы и мне досталось. Все же я изнервничался здесь порядком. Спасает меня то, что многое для меня интересного в геологическом отношении.

Прошло всего 12 дней, как я выехал из Воронежа, а мне кажется – очень много прошло, и даже не верится, что через 20 дней снова буду дома и с вами вместе. Как бы я хотел быть вместе с вами, обнять и крепко-крепко поцеловать вас.

03.08.1950

Ленинград

Милая моя Мусинька!

Сейчас я собираюсь в путь – на Север. Лечу на самолете в 2 часа в Архангельск, а из Архангельска – также на самолете – дальше – на ветреный пояс, т.е. куда-то к чертям на рога. В 6–7 часов буду в Архангельске, а завтра – до места. Там я собираюсь пробыть 3–4 дня. Числа 9–10 возвращусь в Ленинград, а числа 12–13 выеду из Ленинграда. В Москве необходимо заехать в министерство. Следовательно, в Графскую приеду не раньше 15–16, но не позже...

Мусинька, милая, я не дождусь, когда домой приеду – скучаю о тебе и о Юрике. Если бы не интерес к новому району и получение некоторых геологических материалов для диссертации, то я бы не поехал. Хотя мне хочется побывать в этих дальних северных районах, туда еще я не ездил...

⁶ Сын от первой жены.

03.08.1950
Архангельск

Мусинька моя!

Мне очень хочется поделиться с тобой впечатлениями пути в Архангельск.

Выехал, т.е. вылетел я не в 2 часа ночи по расписанию, а лишь в 4 часа. Самолет был «мягкий», т.е. с мягкими сиденьями – очень удобными. Меня поразило то, что во время полета не было столь обычного шума. Можно было разговаривать друг с другом – и все слышно. Стенка самолета со звукоизоляцией (это мое решение). Погода была хорошая – тихий солнечный день. Когда поднялись в воздух, Ленинград был как на ладони, а Нева представлена в виде неширокой полоски.

До Петрозаводска ехали прекрасно – совсем не качало. В Петрозаводске пробыли (на аэродроме) минут 15. Аэродром – на берегу Онежского озера – озеро красивое. Увидел выходы изверженных пород около аэродрома и не удержался – взял образец песка с берега озера. Когда летел через Карелию – прекрасное зрелище было. Бесконечное количество озер – больших и малых, вытянутых в одном направлении. Вскоре встретились густые облака, самолет стал сильно качаться вниз-вверх. Потом стали подниматься выше облаков на высоту 1800 м. Там снова солнце заблестело, а облака остались под нами. Мусинька, трудно представить себе более красивое зрелище: летели мы над сплошными, совершенно белыми, пушистыми облаками, как безбрежная пустыня. Поверхность облаков, как вата вспушенная. Ярко-белый цвет переливается синеватыми, розоватыми тонами. Сквозь облака иногда была видна Земля. Она – черная, лишь озера блестят как зеркала в темноте. Так мы летели около ½ часа, а потом снова спустились ниже. Аэропорт в Архангельске расположен на острове. В город пришлось ехать через р. Двину на пароходе.

Я направился прямо в гостиницу «Интурист», так как было уже 9 часов вечера. Небезынтересно описать тебе гостиницу – она шикарная. Номер, в котором я сейчас тебе пишу это письмо, представляет из себя комнату не меньше нашей воронежской. В ней одна кровать, т.е. одиночный номер. Прекрасная мебель: кровать из карельской березы, ковры, портьеры; мягкая мебель – стулья, кресло, диван, письменный стол. Тут же ресторан, где я пообедал.

Ну, вот всё – я как будто поговорил с тобой. Мне очень приятно. Как бы хотелось, чтобы и ты все это видела, и были бы мы с тобой вместе.

Ну а пока – дай я тебя крепко и долго поцелую и обниму.

Будь здорова. Поцелуй Юрика.

Твой С. Вишняков

04.08.1950
Архангельск

...Вот он Север-то. Все люди здесь одеты в осенние пальто. Только некоторые, вроде меня, в костюмах. (Мне так и не удалось купить макинтош. Нет на мой рост в Ленинграде.) Сейчас иду в Геол. управление – думаю сегодня отправиться в поле...

05.08.1950

...Пока нахожусь в Архангельске – вчера не было самолета, сегодня должен в 9–10 часов вылететь. Полечу на каком-то маленьком самолетике – придется лететь лежа, а не сидя. Такого устройство кабины. Вот ведь какие штуки мне приходится делать! Лётных 2–3 часа. Намерен там пробыть 2–3 дня с тем, чтобы 9.08. на самолете вылететь в Ленинград. На сей час трудно сказать, многое зависит будет от погоды, а здесь она крайне непостоянна...

Осмотрел вчера Архангельск. Красиво на набережной р. Двины, сам город так себе – хуже нашего Воронежа...

10.03.1955
Железноводск

Мусинька, милая!

Вот я уже 2-е сутки, как в Железноводске. Приехал 8.03 в 9 ч. вечера. Вся дорога прошла незаметно, хорошо. В купе ехали почти всю дорогу вдвоем с воронежским гражданином.

Пока от всего, что есть здесь, не в восторге. Самое главное, очень плохая погода. Второй день дует сильный ветер, идет снег – одним словом – буран, каких редко бывает в Воронеже. Снега здесь куда больше, чем в Воронеже, так что совсем не тянет на улицу. Санаторий без особого комфорта, довольно тесно, в палатах по 4 человека. Но меня поместили в кабинет врача с одним гражданином. Теперь, конечно, это уже не кабинет, а наше жилище. Тепло, 2 койки, шкаф, стол, стулья и умывальник, чего нет в обычных палатах. Потом хороший ковер, также нет в обычных палатах этой роскоши. Сокомнатник ничего...

14.03.1955

Железноводск

Мусинька моя!

Вчера, в воскресный день, ездил на экскурсию в Кисловодск, который находится в 1 часе езды на поезде от Железноводска. В Железноводске, как я уже писал, все время холодно, лежит и все еще падает снег, туман. Лишь только вчера увидели диск солнца. В Кисловодске же ясные солнечные дни, ни пятнышка снега, днем люди ходят в одних костюмах. Удивительную перемену пришлось ощутить, пока поезд вез нас в этот час. Кисловодск находится в понижении, в широкой долине, и расположен на стыке этой долины, а центр – на дне ее. Там же расположены нарзанные источники. Кругом невысокие горы, сложенные известняками и песчаниками мелового третичного возраста. Город очень сгружен, тесен: в центре и по окраинам расположены многочисленные санатории – их насчитывается около 47. Есть красивые здания, а большей частью – простые. Парки и лесные массивы расположены или в центре, или на окраинах, но все они истоптанные, даже теперь многолюдные. Надо думать, что летом здесь на каждое дерево несколько человек приходится. Кроме чудесной солнечной погоды, которая здесь хорошая почти круглый год, Кисловодск вообще мне не понравился, даже не летом. Тесно, пыльно и людно. Окрестные горы голые, в противоположность Железноводску, где как санатории, так и горы и долины покрывает сплошной лесок. Как только улучшится погода, то тут же поднимусь на гору Железную – это на 200 м выше нашего санатория.

Видел и Ессентуки, Пятигорск. Все эти места на меня не произвели сильного впечатления. Как в природном, так и в архитектурном, художественном отношении. Конечно, нужно сделать поправку на сезон. Летом все гораздо лучше выглядит.

В отношении быта и питания – вошел в норму. Три раза в день хожу на водопой, принимаю через день ванны, а потом пишу и читаю книжки – пока беллетристику.

Успел порядком соскучиться о доме. Очень хотелось бы быть с тобой вместе. Совсем другое дело было бы. Если нет нужды, то не следует на столь долгое время уезжать одному. Была бы здесь хорошая погода и лето или весна, когда все здесь выглядит по-другому, то можно бы приехать и тебе. Устроиться где-нибудь на частной квартире. Но сейчас нет смысла. Вот уж летом обязательно поедем вместе в Крым хотя бы на 2–3 недели...

28.03.1955

Железноводск

Милая моя Мусинька!

Осталось ровно 10 дней до приезда домой. Билет заказан, поезд из Минеральных вод выезжает в 15 час. 30 мин., а прибывает в Воронеж в 10 час. вечера (или 10.30), т.е. 6 апреля в 10 часов я буду дома. Смотри, приходи встречать...

Мусинька, ты пишешь, привезти отсюда каких-либо фруктов. Тут, кроме яблок на рынке, ничего нет. Яблоки 13–20 руб. килограмм – средние по качеству. Если нужно, я привезу, напиши. В магазинах здесь есть все время кефир, сыр, колбаса, ветчина, яички (по 8 руб.), консервы есть, шпроты (я 2 банки купил). Сахар бывает, но с переборами, мало того, говорят – бывает от случая к случаю. Есть конфеты, печенье, булки, соки. Мясо на базаре есть. Мой сосед по койке купил хорошую курицу на дорогу за 30 руб. Есть мясо на базаре...

Передай Юрику, что я поднимался на гору «Железную». Всего на подъем пошло 1 час 45 мин, а спустился за 25 мин. Хожу я вообще немало, а последнее время читаю и пописываю...

18.09.1960

Ялта

Здравствуйте, дорогие мои!

..Долетели до Симферополя очень хорошо. До Днепропетровска было в салоне 9 человек, а потом всего лишь 6 человек. Так что была возможность сидеть на любом месте.

Как только сошел с самолета, тут же к услугам такси до Ялты. Вертолеты уже не летали. Через 5 минут набралось нас 4 человека – и поехали за 45 руб. с человека. Ехать было очень хорошо, дорогу спрямили, а с Симферополя до Алушты ходит троллейбус. В будущем году троллейбусы будут ходить до Ялты.

Приехали в Ялту в сумерках – и тут же в гостиницу, но мест пока не оказалось, хотя было сказано: возможно, позже и будут. Временно предложили раскладушку во дворе. Я отказался и пошел в Бюро квартир. Там одиночных комнат также не оказалось. Я хотел направиться на частный рынок, тут же, рядом, но ко мне подошла пожилая женщина и предложила отдельную квартиру из 2 комнат. Я сказал, что квартира мне не нужна отдельная. Она говорит, что оплата здесь никакой роли не играет. Я пошел посмотреть, где это. Оказалось, недалеко от набережной, 10 минут ходьбы, на ул. Гоголя, 28, кв. 22, 2-й этаж. 2 маленькие комнаты. Дальше дело перешло в курьез. Она говорит, что ей никакой платы не нужно за квартиру, лишь бы я согласился караулить ее на время ее отъезда в Таганрог. Я вначале отказал, а она меня начала просить. Я в конце концов согласился. Буквально через час она уехала к мужу, вернее за мужем, в Таганрог, а я, таким образом, остался один-одинешенек хозяином, вернее караульщиком, квартиры. Еще более курьезно то, что я уеду раньше ее возвращения из Таганрога (она вернется 2–3 октября, а я уеду 29–30 сентября). Ее и это не смутило. Она мне дала адрес, куда я должен отдать ключи при отъезде. Она мне сказала, что такого подходящего человека искала три дня и хотела уже уходить и закрыть квартиру, но тут я подвернулся. Вот я и живу один в квартире.

На следующий день встал рано утром, позавтракал, прошел по набережной, а дальше пошел на поиски платной поликлиники. Записался к врачу на 2 часа, а сам пошел опять на набережную глотать морскую водяную пыль. Тут со мной случилась неприятная история. Читал газету, оперевшись рукой на борт сидения. Когда я встал, мне гражданин сказал, что у меня рукав белого кителя испачкан в смоле – и весьма изрядно. Действительно, до самого локтя пятна смолы. Китель пришлось снять из-за неприличного вида. После врача направился в химчистку; но был субботний день, и химчистка была закрыта. В силу указанных обстоятельств я хожу теперь в джемпере. Кстати, я не единственный в таком наряде, теперь многие ходят одетыми в джемперы. Вот я, таким образом, и попал в категорию щеголей. Этими двумя моими курьезами не закончились, третий, пожалуй, наиболее оригинальный и вместе с тем неприятный случай произошел со мной сегодня.

Решил я утром пораньше выкупаться после зарядки. Пришел, как и вчера, был шторм, купаться запрещено. Я решил на берегу обмыться штормовым приливом, что и сделал. Хорошенько вытерся, немного погрелся на солнце и решил обуться и идти. Но не тут-то было. Когда я начал обуваться, положил сандалеты на помост, чтобы обмыть ноги и надеть носки. Во избежание опасности я решил перенести сандалеты на более спокойное место, чтобы их не смыло водой. Только я дотронулся, как один сандалий упал в щель и тут же был подхвачен приливной волной. Я прыгнул (было не высоко – 1 м), но не успел схватить, и унесло мой сандалий к Нептуну. Теперь один у меня, а другой у Нептуна. Передо мной тут же возникла проблема, как добраться до магазина разутому по городу? Со мной рядом находился молодой человек. Я попросил у него сандалии, но оказалось, они мне малы. Тогда я дал ему 100 руб. (мелких у меня не было, а у него оказалось всего 15 рублей) с тем, чтобы он купил мне тапки. В 9 часов он ушел со 100 рублями за тапками, в залог оставил свои полинялые плавки. Проходит час, а его нет, проходит 1,5 часа, его тоже нет. Я решил уходить, считая, что он воспользовался моим доверием и 100 рублями, но ровно через 2 часа приходит и приносит мне тапки за 38 руб. Оказался честным и очень долго искал моего номера, обегал весь город.

Вот я и хожу теперь по Ялте в джемпере и новых тапках. Что еще принесут мне оставшиеся 10 дней – посмотрим. Если так пойдет, то я совсем обновленным приеду домой...

Публикация О.С. Соколовой (Вишняковой)